

Анатолій ВІНОГРАДОВ

РУССКИЕ СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ И ИХ
ТИПОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 22.
УДК 81'373.611+81'367.625

Виноградов А. Російські суфіксальні найменування осіб та їх типові відповідники в угорській мові; 19 стор.; кількість бібліографічних джерел – 28; мова російська.

Анотація. У статті йдеться про угорські типові відповідники російських суфіксальних назв особи (НО), тобто ті, які вкладаються у словотвірні типи (СТ) – суфіксальні, субстантивовані та композитні найменування НО; досліджується зв'язок між активністю СТ і мотивуючими ЛСГ в обох мовах (РМ та УМ).

Ключові слова. ЛСГ мотивуючих іменників, прикметників і дієслів для НО в РМ та УМ; типи відповідників УМ для суфіксальних НО в РМ.

Resume. The paper discusses Hungarian typical correlates (=belonging to some word-formation type – WFT) for the Russian suffixal names of persons (NP), namely suffixal, substantivized and composite NP-correlates in H.; a connection (if it is any) between the activity of WFT and the LSG of motivating words is investigated.

Key words. LSG as for the motivating nouns, adjectives and verbs for NP in R. and H.; typical correlates in H. for the Russian suffixal NP.

1. Введение в проблему

Центральные семантические категории высказывания, такие, как предикат, субъект и объект, регулярно выражаются во множестве языков разнообразными способами, включая и словообразовательные. Что касается субъекта (S), то в сфере словообразования стандартное его выражение осуществляется в формах производных имен существительных, причем прежде всего существительных, называющих лиц. Это не случайно, т.к. понятие прототипического S в сознании носителя языка связывается в первую очередь с представлением о его сознательной, креативной деятельности как члена коллектива. Уместно в этой связи привести следующее замечание А.В. Бондарко: «в языковой интерпретации семантики субъекта определяющую роль играет та разновидность С (субъекта. – А.В.), которая отражена в понятии "агенса", обобщающем языковое представление реальных производителей реальных действий. Все остальные семантические разновидности С в их языковой интерпретации, в особенности в позиции подлежащего, несут на себе признаки воздействия "эталонной" агентивной разновидности. Происходит своего рода аналогическое выравнивание прочих разновидностей С, выступающих в позиции подлежащего, по образцу "С – агенса"» [2, с. 146]. Еще раньше М.Н. Яценецкая обратила внимание на важность для языка в разграничении обозначений живых и неживых предметов как основе их разных семантических ролей в предложении. Так, она отметила, что «деление существительных на названия лиц и названия не-лиц является лексической основой выражения отношений «производитель (субъект, агент) действия – действие – объект (пациент) действия», из чего следует, что семантическая оппозиция «лицо – не-лицо» является в языке одной из основных [23, с. 181].

Надо сказать, что словообразование вообще «широко участвует в выражении разнообразных характеристик лица (по выполняемым им действиям, по присущим ему физическим или духовным свойствам, по национальности и т.п.» [12, с. 164]. Так, словообразовательное выражение S в русском языке (РЯ) маркируется множеством суффиксов (см., напр., РГ-80 [17]), большая часть из которых используется дифференцированно в зависимости от производящих частей речи для существительных – названий лиц (НЛ)¹.

В сравнении с русским, суффиксальное обозначение НЛ в венгерском языке (ВЯ) почти не развито: в нем, как указала К.Е. Майтинская, главными способами для обозначения НЛ являются субстантивация и сложение [14, с. 24], которые в русском языке, в свою очередь, используются весьма ограниченно. Мы здесь придерживаемся принципиального положения, что, сопоставляя различные способы выражения некоторого значения в двух языках, должно исходить из максимы, что разница в этих способах или различная степень активности в использовании конкретных способов или словообразовательных типов (СТ), подтипов и моделей в этом случае есть безусловное свидетельство разного структурирования языковой картины мира (ЯКМ) в сопоставляемых языках, – в нашем случае в организации «механизма» словообразования.

Именно в свете разной степени использования тех или иных словообразовательных способов и средств в разных языках следует воспринимать в целом безусловно верное утверждение Б.А. Серебренникова, что «языки мира образуют совершенно явные параллелизмы в области словообразовательных типов» [19, с. 67]². Но непреложным фактом является, с другой стороны, и то, что в процессе словопроизводства «у разных индивидов, находящихся в различных точках земного шара, ассоциации не могут быть одинаковы» [там же, с. 207], и

поэтому «система словообразования обнаруживает ряд специфических особенностей в каждом языке, составляя, таким образом, важный элемент его типологической характеристики» [9, с. 75]. Нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой, что «каждый способ словообразования <...> связан с выполнением особого ономаσιологического задания» и что «типологические различия языков, наблюдающиеся в сфере действия аффиксации, словосложения, редуPLICATION и прочих способов осуществления морфологической деривации и вскрывающие специфику распределения неких значений по грамматическим или же деривационным (словообразовательным) категориям, оказываются тем самым существенными для характеристики языковых картин мира в сопоставляемых языках» [12, с. 158].

Потому любые сопоставительные исследования в области выражения однотипных словообразовательных значений (СЗ) в разных языках, так сказать, «в проекции» на структуры «деривационных» ЯКМ в этих языках имеют несомненную познавательную ценность, значимость и актуальность для современной парадигмы когнитивной лингвистики. И.С. Улуханов, говоря о когнитивных аспектах описания словообразования, замечает, что «специфика описания словообразования в целях <...> реконструкции наивной модели мира состоит в выяснении причин словообразовательной выраженности, а следовательно и актуальности для носителей языка определенных элементов внеязыковой действительности» [22, с. 75]. В этом и в предыдущих наших исследованиях на данную тему мы стараемся следовать этой цели [3-5 и др.].

Таким образом, объектом изучения в этой статье являются корреляции русских суффиксальных НЛ и их типовые (не типичные, о чем ниже) венгерские соответствия в виде универбов. Мы попробуем установить, влияет ли мотивированность НЛ тем или иным семантическим классом (подклассом, ЛСГ) в пределах трех основных мотивирующих частей речи (существительное, прилагательное, глагол) на словообразовательную активность соответствующих моделей и СТ в каждом из языков. Направление исследования – от РЯ к ВЯ (принцип «зеркала»). Базой фактического материала явились толковые и переводные словари обоих языков [24; 26-28]; при этом устаревшие и, как следствие, не мотивированные с синхронной точки зрения слова³ не вошли в число анализируемых. Подчеркнем еще, что контрастивный анализ НЛ в РЯ и ВЯ опирается на установившиеся словообразовательные отношения между мотивирующими для НЛ и самими НЛ, а не на словообразовательные процессы, результатами которых эти НЛ являются⁴.

2. Методика сопоставительного анализа русских и венгерских НЛ в исследовании

Исходным пунктом контрастивного анализа НЛ в РЯ и ВЯ является постулирование им в

обоих языках качества универбов. Это не настолько элементарно, как может показаться на первый взгляд. Ибо, говоря о различном структурировании ЯКМ и различном содержании одноименных концептов (понятий)⁵ в разных языках, «следует иметь в виду лишь те, которые выражаются *одним словом* (выделено мной. – А.В.) на том или другом языке» [19, с. 210], хотя, безусловно, «в человеческом сознании помимо понятий, выраженных отдельными словами и их формами, существуют понятия, образующиеся на словосочетаниях» [там же, с. 211].

Второе условие сопоставительного описания НЛ в РЯ и ВЯ в данном исследовании – изоморфизм отношений между мотивирующими (М) и производными (Д) в обоих языках, т.е. соотношение типа $M_{РЯ} : D_{РЯ} = M_{ВЯ} : D_{ВЯ}$, когда семантически $M_{РЯ} = M_{ВЯ}$, а $D_{РЯ} = D_{ВЯ}$. Такая модель их соотношения, однако, имеет общий характер и вовсе не предполагает постоянного тождества дериватов в целевом языке (ВЯ) и дериватов исходного языка (РЯ) в плане способа образования и словообразовательной структуры. Ср.: «Наличие семантических эквивалентов между языками на уровне и производящих, и дериваторов (словообразовательных формантов. – А.В.) отнюдь не означает наличие таких же эквивалентов на уровне производных» [15, с. 59]. НЛ в ВЯ может быть образован суффиксальным способом, как и в РЯ; но гораздо чаще он образуется с помощью конверсии и словосложения⁶, когда в качестве словообразовательных формантов выступают смена морфологической парадигмы и сложение. Ведь, как известно, СЗ «совсем не обязательно строятся с участием деривационного аффикса», они обнаруживаются и при словосложении, и при конверсии [11, с. 141]. Но, так или иначе, СЗ «в пределах производного слова тесно связано с морфологической структурой деривата и носит в силу этого внутрисловный характер. Выделение этого признака не позволяет согласиться с распространением термина „словообразовательное значение“ на единицы номинации, большие слова» [там же, с. 84].

В силу высказанных доводов, типовыми коррелятами русских суффиксальных НЛ в ВЯ мы считаем такие, которые укладываются в понятие морфологического универба, т.е. НЛ суффиксальные и субстантивированные (деадъективные и отпричастные), а также композиты различной структуры. Все они соответствуют стандартному «деривационному» представлению о СТ как целостном единстве семантико-грамматического класса мотивирующих, словообразовательных формантов и СЗ и представляют собой, поэтому, вместе с суффиксальными НЛ РЯ явления одного порядка. Как подкажывает логика исследования, сопоставительное описание суффиксальных НЛ РЯ и их венгерских коррелятов целесообразно вести, исходя из вышеуказанных способов образования последних (суффиксация, конверсия и сложение), рассматривая соответствующие массивы НЛ ВЯ в проекции на лекси-

ко-грамматические характеристики мотивирующих (части речи и ЛСГ) русских суффиксальных НЛ. Т.е. венгерские универбы – НЛ, образованные тремя указанными способами, ставятся в соответствие русским отсубстантивным, отадективным и девербативным суффиксальным НЛ. Что же касается признака «типичности», то таковыми для русских суффиксальных НЛ будут в ВЯ не аффиксальные

соответствия, а субстантиваты. Русско-венгерские корреляции НЛ, составленные на основании двух ведущих признаков – способ образования и мотивирующая часть речи⁷, – в количественном выражении приводятся в таблице ниже. Комментарии к ней содержатся в следующем разделе.

Типы венгерских универбальных соответствий русским суффиксальным НЛ	Русские НЛ – отсубстантивы 1537 ; 32 ЛСГ	Русские НЛ – отадективы 419 ; 18 ЛСГ	Русские НЛ – девербативы 1149 ; 91 ЛСГ
Суффиксальные	208: ≈13,5 %	11: ≈2,6 %	48: ≈4,2 %
Конверсивы (субстантиваты)			
А) отадективные	249: ≈16 %	89: ≈19,6 %	36: ≈3 %
Б) отпричастные	19: ≈1,2 %	2: ≈0,4 %	347: ≈30 %
Композиты (структура)			
А) N + N	44: ≈3 %	16: ≈3,8 %	–
Б) N + Part _{subst}	104: ≈6,8 %	21: ≈5 %	26: ≈2,3 %
В) Adj/Part + N	–	11: ≈2,6 %	16: ≈1,4 %
Итого:	654/ 1537 : ≈43 %	150/ 419 : ≈35,8 %	473/ 1149 : ≈41 %

3. Типы универбальных соответствий ВЯ русским суффиксальным НЛ

3.1. Суффиксальные

По нашим данным (см. таблицу), имеет место высокая активность суффиксального способа образования существительных – НЛ в ВЯ, в частности, в массиве отсубстантивов. Это выглядит довольно неожиданно в свете выше упомянутого наблюдения К.Е. Майтинской о неразвитости данного способа в ВЯ применительно к этим существительным. По числу примеров в данном массиве выделяются ЛСГ «Наука» (51), «Явление» – семантические подтипы ‘идейно-политическое’ (31) и ‘мировоззрение’ (24) и «Искусство» (20). В этих ЛСГ обращает на себя внимание большое количество НЛ с суффиксом **-ista** – самым продуктивным, по К.Е. Майтинской [14: 26]; всего же он встречается в 18 мотивирующих ЛСГ (104 примера). ЛСГ «Наука»: *германист* – *germanista*, *криминалист* – *kriminalista*, *алхимик* – *alkimista* и др.; «Явление» – семантические подгруппы ‘идейно-политическое’ и ‘мировоззренческое’: *сепаратист* – *szeparatista*, *легитимист* – *legitimista*, *реформист* – *reformista*, *реалист* – *realista* и др.; «Искусство»: *юморист* – *humorista*, *футурист* – *futurista*, *публицист* – *publicista* и др. (в русских и венгерских примерах здесь и ниже суффиксы выделены).

Гораздо меньшее место занимает суффиксация в образовании НЛ ВЯ от глаголов. Она имеет место в 28 мотивирующих ЛСГ (из 91), и каждая из них представлена 1-2 примерами. ЛСГ «Социальная деятельность» – семантические подтипы ‘профессиональная’: *лекарь* – *gyógyász* (<*gyógyítani* «лечить»), *ассистент* – *asszisztens* (<*asszisztálni* «ассистировать»); ‘политическая’: *агитатор* – *agitátor* (<*agitálni* «агитировать»); ‘образительная’: *гравер* – *vésnök* (<*vésni* «вырезать»), *иллюстратор*

– *illusztrátor* (<*illusztrálni* «иллюстрировать»); «Созидание»: *писарь* – *írnok* (<*írni* «писать»); «Каузированное перемещение»: *носильщик* – *hordár* (<*hordani* «носить»), *стрелок* – *lövész* (<*lőni* «стрелять») и др. Очевидно, что в целом суффиксальное образование НЛ от глаголов для ВЯ не характерно.

Буквально единичные примеры иллюстрируют отадективные суффиксальные НЛ в ВЯ: *несмышлелыи* – *butuska* (<*buta* «глупый»), мотивирующая ЛСГ «Интеллектуальная характеристика»; *латинист* – *latinista* (<*latin* «латинский»), ЛСГ «Научная профессия» и нек. др.

Можно отметить тяготение некоторых суффиксов НЛ и мотивирующих частей речи в ВЯ в плане представленности последних количеством ЛСГ. Так, суффикс **-ista** безусловно «предпочитает» мотиваторы-существительные (примеры выше); только с ними сочетаются суффиксы **-(k)us*** и **-a***; явное или заметное предпочтение отдают им и суффиксы **-ár, -or*** и **-ász/-ész** в НЛ ВЯ. См: *оптик* – *optikus* (<*optika* «оптика»), *химик* – *kémikus* (<*kémia* «химия»), *физик* – *fizikus* (<*fizika* «физика»), – примеров с этим суффиксом для ЛСГ «Наука» очень много; *аристократ* – *arisztokrata* (<*arisztokrácia* «аристократия»), *демократ* – *demokrata* (<*demokráció* «демократия»), *диагност* – *diagnosztá* (<*diagnosztika* «диагностика»); *коммунар* – *kommünár* (<*kommün* «коммуна»), *литератор* – *irodalmár* (<*irodalom* «литература»), *секретарь* – *titkár* (<*titok* «секрет»); *сенатор* – *szenátor* (<*szenátus* «сенат»), *инквизитор* – *inkvizitor* (<*inkvizíció* «инквизиция»), *расчетчик* – *kalkulátor* (<*kalkuláció* «расчет»), *авантюрист* – *kalandor* (<*kaland* «авантюра»); *историк* – *történész* (<*történelem* «история»), *овца* – *juhász* (<*juh* «овца»), *доменик* – *kohász* (<*kohó* «домна»), *грибник* – *gombász* (<*gomba* «гриб»), *лесовик* – *erdész* (<*erdő* «лес») и др.

Здесь, однако, необходимо отметить, что некоторые из здесь приведенных венгерских суффиксов (они помечены звездочкой) отдельными учеными не рассматриваются как таковые. К.Е. Майтинская, например, указывает, что многие заимствованные НЛ вроде *agitátor, rektor, adjutáns, agrárius* и др. «не расчлениются в венгерском языке на основу и суффикс» [14, с. 27]. С другой стороны, имеется бесспорная смысловая связь между *fizikus* и *fizika, dignosza* и *diagnosztika, szenátor* и *szenatus* и др. Первые члены пар мотивированы вторыми, т.к. они семантически сложнее, ибо толкуются через эти последние [28].

В этой связи целесообразно напомнить эффективность практического приема, на который давно указал Г.О. Винокур, «когда для отыскания данной словообразовательной формы считается необходимым указать данную первичную основу *хоть еще один раз* (выделено мной. – А.В.) в каком-нибудь другом слове» [7, с. 426]. В примерах же приведенного типа существуют регулярные (многократные) словообразовательные отношения между $M_{ВЯ}$ («область производства/науки/искусства и т.д.») и $D_{ВЯ}$ – НЛ (СЗ «специалист в данной области»). В пользу выделения в приведенных выше НЛ ВЯ указанных «сомнительных» суффиксов говорит и тот факт, что «значение аффикса может быть выявлено и в группе таких слов, ни одно из которых не является мотивированным» (чего в данном случае нет), причем несмотря на то, что «формулирование значений многих аффиксов вызывает трудности» [21: 102].

Нам представляется, что если в приведенных заимствованных НЛ ВЯ выделение суффиксов с СЗ лица и не во всех случаях является очевидным и бесспорным, то соответствующие элементы находятся на пути к достижению ими качества словообразовательного форманта благодаря их живым и находящимся в стадии закрепления семантическим связям с ЛСГ мотивирующих существительных. Ср.: «процесс вычленения морфем часто бывает связан с выделением повторяющегося элемента в ряду заимствований, обладающих некоторой семантической общностью» [18, с. 218]. В.В. Виноградов давно указал на высокую продуктивность в современном РЯ многих СТ существительных – НЛ «по сферам производственной деятельности, по предметам, связанным с производством, с ремеслом, по действиям или состояниям, характеризующим общественный облик человека, его социальное положение, по идеологическим признакам, по отношению к общественному направлению, научному, идейному, художественному течению и т.п.»⁸ [6, с. 164]. Такое же качество, очевидно, приобрели (или приобретают) аналогичные СТ и в современном ВЯ благодаря процессу интеграции европейских народов в единое экономическое, культурное и духовное сообщество.

3.2. Конверсивы⁹

Субстантивация прилагательных и причастий, как было сказано, самый активный способ образования НЛ в ВЯ, безусловно преобладающий над суффиксацией, о чем красноречиво свидетельствуют табличные данные: в массивах корреляций конверсивных и суффиксальных НЛ ВЯ и русских суффиксальных НЛ – отсубстантивов, отадъективов и deverбатов – количественное соотношение составляет, соответственно, 17,2/13,5, 20/2,6 и 33/4,2 %. С другой стороны, в отдельных массивах корреляций НЛ-конверсивов ВЯ и суффиксальных НЛ РЯ, мотивированных разными частями речи, степень активности данного способа существенно различается. Естественным выглядит преобладание его в корреляциях типа «отсубстантивы/отадъективы РЯ – НЛ-Adj_{subst} ВЯ» на фоне соотношения deverбатов НЛ РЯ и НЛ-Adj_{subst} ВЯ. Почти во всех ЛСГ мотивирующих существительных РЯ полученные от них НЛ-отсубстантивы имеют в ВЯ соответствия в виде Adj_{subst}. В ряде случаев эти соответствия образованы, в свою очередь, от названий предметов и подверглись затем окончательной субстантивации; на адъективное происхождение указывает морф *-s*: *asztalos* «столяр» < *asztal* «стол», *lakatos* «слесарь» < *lakat* «замок», *üveges* «стекольщик» < *üveg* «стекло», *kürtös* «трубач, горнист» < *kürt* «труба, горн» и др. В других случаях прилагательное, сохраняя свое качественное значение, развивает и предметное значение лица: *ifjú* ($M_{ВЯ}$ «юный» → $D_{ВЯ}$ «юноша»), *vak* ($M_{ВЯ}$ «слепой» → $D_{ВЯ}$ «слепец») и мн. др.

Среди мотивирующих ЛСГ русских отсубстантивных НЛ, коррелятами которых в ВЯ являются Adj_{subst}, количественно выделяются, например, ЛСГ «Предмет» с семантическими подгруппами «инструмент» – технический (14): *багорщик* – *csáklyás* (<*csáklya* «багор»), *гарпунщик* – *szigonyos* (<*szigony* «гарпун») и музыкальный (28): *флейтист* – *fuvolás* (<*fuvola* «флейта»), *скрипач* – *hegedűs* (<*hegedű* «скрипка»), *тромбонист* – *harsonás* (<*harsona* «тромбон») и мн. др.; «дом» (12): *печник* – *kályhás* (<*kályha* «печка»), *горшочник* – *fazekas* (<*fazék* «горшок»), *столяр* – *asztalos* (<*asztal* «стол») и др. и ЛСГ «Место» (16): *баничник* – *fürdő* (<*fürdő* «баня»), *буфетчик* – *büfé* (<*büfé* «буфет»), *кассир* – *pénztáros* (<*pénztár* «касса») и др., причем многие НЛ-Adj_{subst} ВЯ в данной группе полностью утратили свое адъективное употребление.

(А) В массиве корреляций «НЛ-отадъективы РЯ – НЛ-Adj_{subst} ВЯ» также представлены многие мотивирующие ЛСГ. Больше всего примеров для ЛСГ «Лицо» – «физическая характеристика» (14): *толстяк* – *kövér*, *слепец* – *vak*, *юноша* – *ifjú*, *мертвец* – *halott* и «интеллектуальная характеристика» (10): *мудрец* – *bölcs*, *дурак* – *ostoba*, *болонд*, *глупец* – *buta* и др., а также для ЛСГ «Поведение» (13): *ленивец* – *lusta*, *кочевник* – *nomád*, *ловкач* – *ügyeskedő* и др. Как правило, все НЛ-Adj_{subst} ВЯ не имеют в этих корреляциях специаль-

ных суффиксов прилагательных. Значение предметности у них отмечается в [24] и [28]; у некоторых из них адъективное значение – вторичное, т.к. они по происхождению являются причастиями (как *ügyeskedő*, *halott*).

Б) В корреляциях русских НЛ, мотивированных существительными, прилагательными и глаголами, с венгерскими НЛ-Part_{subst} (их формальный показатель – морфы *-ó/-ő*) также отмечается чрезвычайно большое расхождение в количестве примеров, представляющих эти корреляции. По сравнению с корреляциями НЛ-Adj_{subst} ВЯ, картина здесь обратная: почти **треть** всего количества корреляций «НЛ-девербативы РЯ – НЛ ВЯ» составляют те, членами которых являются Part_{subst} ВЯ; на их фоне количество корреляций русских отсубстантивов и отадъективов с венгерскими Part_{subst} выглядит ничтожно малым. Соответственно, только третья часть мотивирующих их ЛСГ представлена примерами, тогда как в корреляциях НЛ-конверсивов ВЯ, восходящих к русским НЛ-девербативам, количество мотивирующих ЛСГ¹⁰ составляет 8/9. Среди них особенно выделяются такие, как «Социальная деятельность» – ‘профессиональная’ (11 примеров): *работник* – *dolgozó*, *режиссёр* – *rendező*; «Владение» – ‘передача’ (16): *учитель* – *tanító*, *плательщик* – *fizető*; «Перемещение» ‘каузированное’ (17): *гонимель* – *üldöző*, *перевозчик* – *fuvarozó*; «Созидание» – ‘физическое’ (13): *производитель* – *gyártó*, *строитель* – *építő* и ‘духовное’ (13): *переводчик* – *fordító*, *редактор* – *szerkesztő*; Физическое воздействие» ‘обработка’ (11): *нахарь* – *szántó*, *полировщик* – *fényező*; «Говорение» – ‘сообщение’ (19): *доносчик* – *besúgó*, *болтун* – *fecsegő* и ‘воздействие’ (12): *льстец* – *hízelgő*, *врун* – *hazudozó* и мн. др.

3.3. Композиты¹¹

А) НЛ-композиты структуры типа N + N в ВЯ встречаются в двух массивах корреляций, восходящих к НЛ РЯ. В корреляциях русских НЛ-отсубстантивов они отмечаются в 2/3 мотивирующих их примеров очень незначительно (3 %). Не отмечается и сколько-нибудь заметного их преобладания в тех или иных ЛСГ (по 1-3 примера). Лишь в ЛСГ «Предмет» ‘механизм’ и «Институция» их чуть больше – соотв. 6 и 7: *таксист* – *taxisofőr* (*taxi* + *sofőr* «шофёр»), *станочник* – *gépmunkás* (*gép* «станок» + *munkás* «рабочий») и др.; *тюремщик* – *börtönőr* (*börtön* «тюрьма» + *őr* «страж»), *партиец* – *párttag* (*párt* «партия» + *tag* «член») и др.

В корреляциях русских НЛ-отадъективов данные композиты представлены в половине мотивирующих ЛСГ, но единичными примерами (1-3), как, напр., в ЛСГ «Профессия» – ‘производство’: *текстильщик* – *textilmunkás* (<*textil* + *munkás*); ‘служба’: *пограничник* – *határőr* (<*határ* «граница» + *őr*) и др.

Б) НЛ-композиты ВЯ структуры N + Part_{subst} в нашем материале имеются во всех трех массивах русско-венгерских корреляций, несмотря на то, что К.Е. Майтинская вообще не выделяет композиты этого типа в сфере синтаксического образования существительных, рассматривая данные единства в сфере конверсивного словообразования как «мнимые сложные причастия» [14, с. 208]. В массиве отадъективных корреляций НЛ РЯ они представлены в половине ЛСГ, но единичными примерами (1-2): ЛСГ «Профессия» – ‘служба’: *газовщик* – *gázszerelő* (<*gáz* «газ» + *szerelő* «монтирующий»); ‘производство’: *атомник* – *atomkutató* (<*atom* «атом» + *kutató* «исследующий») и др.

Значительно больше композитов рассматриваемой структуры отмечается в ВЯ для русских НЛ-отсубстантивов (2/3 ЛСГ, 104 примера). Их много, например, для мотивирующей ЛСГ «Предмет» – семантические подгруппы ‘культура’ (9): *текстовик* – *szövegíró* (*szöveg* «текст» + *író* «пишущий»), *портретист* – *portréfestő* (*portré* «портрет» + *festő* «рисующий»); ‘дом’ (9): *корзинщик* – *kosárfonó* (*kosár* «корзина» + *fonó* «плетущий»), *мебельщик* – *bútorkészítő* (*bútor* + *készítő* «изготавливающий»); ‘инструмент’ (8): *фонащик* – *lámpagyújtogató* (*lámpa* «фонарь» + *gyújtogató* «зажигать»), *седельник* – *nyeregkészítő* (*nyereg* «седло» + *készítő*); ‘механизм’ (8): *моторист* – *motorkezelő* (*motor* + *kezelő* «управляющий»), *котельщик* – *kazánfűtő* (*kazán* «котел» + *fűtő* «топящий») и др. Прочие ЛСГ представлены 1-3 примерами.

Композитов, коррелятивных НЛ-девербативам РЯ, совсем немного: 26 примеров в 17 ЛСГ (из 91), причем каждая представлена также 1-3 примерами: *шутник* – *tréfacsináló* (<*tréfa* «шутка» + *csináló* «делающий»); *сказитель* – *mesemondó* (*mese* «сказание, сказка» + *mondó* «говорящий») ¹², ЛСГ «Говорение» – ‘воздействие’ и ‘сообщение’; *меняла* – *pénzváltó* (*pénz* «деньги» + *váltó* «меняющий»), ЛСГ «Компенсированное приобретение» и др.

Во всех рассмотренных выше композитах вторые компоненты – НЛ, а первые – их предметно-качественная характеристика.

В) Композиты со структурой Part + N для обозначения лиц относятся К.Е. Майтинской к непродуктивному СТ [14, с. 156]. В нашем материале они также представлены незначительно: (1) всего в 9 ЛСГ в массиве корреляций, восходящих к девербативным НЛ РЯ, причем количество примеров не превышает 1-3 в каждой, и (2) в 6 ЛСГ в корреляциях русских НЛ-отадъективов (тоже по 1-3). Некоторые примеры: (1) *отборщик* – *válogatómunkás* (<*válogató* «отбирающий» + *munkás*), ЛСГ «Ментальная деятельность – выбор»; *ткач* – *szövőmunkás* (<*szövő* «ткущий» + *munkás*), ЛСГ «Созидание»; (2) *литейщик* – *öntőmunkás* (<*öntő* «разливающий» + *munkás*), ЛСГ «Профессия» – ‘производство’. Однако в подгруппе (2) чаще встречаются композиты с первым ком-

понентом – прилагательным: *подлец* – *gazember* (<*gaz* «подлый, мерзкий» + *ember* «человек»), ЛСГ «Поведенческая оценка»; *старик* – *öregember* (<*öreg* «старый» + *ember*) – «Физическая характеристика» и др.

4. Выводы

1. НЛ в ВЯ наиболее активно образуются способом конверсии. Субстантивируются причастия и прилагательные, причем в разных массивах корреляций с НЛ РЯ (отсубстантивами и т.д.) соотношение их сильно различается по количеству. Также заметны расхождения в количестве соответствий одного типа (*Adj_{subst}* или *Part_{subst}*) в пределах каждого из массивов.

2. Синтаксическое образование НЛ в ВЯ также относится к продуктивному способу в общей массе производных НЛ, хотя используется и не столь активно, как субстантивация. Здесь нет особой разницы в количестве представляющих их примеров как между отдельными структурными

типами композитов в рамках отдельных массивов НЛ, так и между самими массивами русских НЛ-отсубстантивов, отадъективов и девербативов.

3. Неожданной на общем фоне НЛ-отсубстантивов ВЯ является высокая активность суффиксального способа их образования. Но между собой мотивирующие их ЛСГ сильно различаются по количеству примеров.

4. Во всех трех группах русско-венгерских корреляций НЛ количество венгерских НЛ-универбов разных способов образования составляет меньше половины общего их количества. Это говорит о том, что в ВЯ типовых соответствий в НЛ для русских суффиксальных НЛ все же меньше, чем нетиповых, т.е. о том, что соответствующая словообразовательная область в ВЯ развита не столь гибко по сравнению с РЯ. Нетиповые соответствия в ВЯ русским НЛ, а также лакуны, в свою очередь, бывают разных видов; но это уже объект иного исследования.

Примечания

¹ С другой стороны, в целом ряде СТ дифференциация существительных «на названия лиц и предметов осуществляется на лексическом уровне и не имеет специальных словообразовательных показателей» [23, с. 181].

² Ср. также: «Параллелизм между структурами языка и схемами мысли в самых разных культурах все же оказывается достаточно регулярным и способен поразить воображение наблюдателя» [1, с. 134].

³ Непосредственную связь между понятностью слова для «среднего носителя языка» и мотивированностью усматривает И.С. Улуханов. Устаревшее слово, говорит он, выступает как немотивированное. Ср.: «Носитель языка, не знающий мотивирующего слова или его значения, не воспринимает и мотивированное слово в качестве такого. Например, существительное *маринист* мотивировано только для того, кто знает устаревшее *марина* “картина, изображающая морской вид”. С точки зрения системы языка (и “усредненного” знания) нельзя устаревшее слово считать мотивирующим по отношению к неустаревшему, т.е. *маринист* следует признать немотивированным» [22, с. 48]. Но показательно, что реальное восприятие слова как устаревшего в сознании среднего носителя языка не всегда совпадает с отсутствием при нем в ТС пометы «устаревшее»: ни *марина*, ни *маринист* не имеют ее в [26].

⁴ Основное различие между словообразовательными отношениями как самостоятельным аспектом словообразования и словообразовательными процессами П.А. Соболева объясняет «их различную ролью в системе языка. Если основной функцией словообразовательных процессов является номинация, т.е. пополнение и обогащение словаря, то основной ролью словообразовательных отношений следует считать структурно-унифицирующую. <...> Унифицирующая функция словообразовательных отношений проявляется в том, что относительно большое количество словообразовательных процессов приводит к ограниченному числу словообразовательных отношений» [20, с. 17-18].

⁵ В сфере научно-теоретического аппарата лингвокогнитивных исследований термины «понятие» и «концепт» в последнее время различаются все последовательнее. Если понятие – универсальная логико-психологическая единица, характеризующая мышление любого индивида независимо от его национальности и среды обитания и допускающая выражение различными языковыми единицами, то концепт устроен гораздо сложнее. Он опирается на ассоциативную базу и этнически «специфицирован». Он, «отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира <...> Это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [16, с. 52].

⁶ Аффиксация, конверсия и словосложение, по-видимому, являются универсальными словообразовательными способами (в терминологии П.А. Соболевой – отношениями [20, с. 18] и могут служить одним из методов контрастного изучения словообразования [там же, с. 19].

⁷ Полная «рабочая модель» сопоставительного описания словообразования значительно сложнее. Так, например, М. Кнаппова выделяет в ней следующие составляющие: 1) часть речи; 2) способ образования (деривация, сложение, аббревиация, конверсия/транспозиция); 3) тип ономасиологической структуры и способ наименования (транспозиция, мутация, модификация, репродукция); 4) характер мотивирующих; 5) словообразовательные категории (СК) производных слов; 6) СТ, вычленимые в рамках СТ; 7) тематическая категоризация деривата [10, с. 37].

⁸ Наименованиям лиц по профессии в РЯ специально посвящена, например, работа [8].

⁹ В понимании данного способа словообразования мы целиком разделяем точку зрения П.А. Соболевой, которая принципиально отличает ее от нулевой суффиксации [20, с. 23].

¹⁰ Их перечень составлен с опорой на [25].

¹¹ Здесь мы не разграничиваем, как это делает, например, Л.А. Кудрявская, юкстапозиты и композиты как два принципиально разных типа сложных слов [13, с. 132-150]. Существенно, с другой стороны, что оба типа она относит к так называемой лексической конденсации, когда значение производного не имеет семантических приращений, а полностью исчерпывается значениями компонентов сложных слов. Ее точка зрения прямо противоположна пониманию их Е.С. Кубряковой: «внутренняя организация сложного слова как такового держится за счет скрытых семантических компонентов» [11, с. 69].

¹² В данном случае, как и в некоторых других, имеет место семантическое сужение (или конкретизация?) Двѣя по сравнению с Дря; ср. еще: *расклеивщик* – *plakáttragasztó* (*plakát* «плакат, афиша»), *подметальщик* – *utcaseprő* (*utca* «улица»), *мойщик* – *ablakmosó* (*ablak* «окно»), *обозреватель* (семы «письменно» и «устно публично») – *szemleíró* (только сема «письменно»).

Литература

1. Ажеж Клод. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Клод Ажеж. – Пер. с фр. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
2. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики / А.В. Бондарко. – СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2004. – 208 с.
3. Виноградов А.О. Відсубстантивні іменники *nomina personalia* в російській мові та їх угорські відповідники // А.О. Виноградов. – Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. – 2009. – Випуск 13. – С. 24-27.
4. Виноградов А.А. Приоритеты в сопоставительном изучении словообразования (на материале русского и венгерского языков) // А.А. Виноградов. – Науковий вісник Ужгородського університету. – Серія: Філологія. – 2009. – Випуск 20.
5. Виноградов А.А. Словообразовательная категория субъекта в разноструктурных языках (на материале русских и венгерских отсубстантивных существительных со значением лица) // А.А. Виноградов. – Актуальні проблеми менталінгвістики: Збірник статей за матеріалами VI Міжнародної наукової конференції. – Черкаси: Ант, 2009. – С. 83-85.
6. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // В.В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 155-165.
7. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.
8. Воронцова В.Л. Наименования лиц по профессии // В.Л. Воронцова. – Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 254-270.
9. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
10. Кнаппова М. Проект методологического подхода к сравнительному изучению словообразования в славянских языках // М. Кнаппова. – Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 33-39 [далее – СИССЛ].
11. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
12. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Е.С. Кубрякова. – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
13. Кудрявская Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявская. – Изд. 2-е, испр. – К.: ИПЦ «Киевский ун-т», 2004. – 208 с.
14. Майтинская К.Е. Венгерский язык. – Ч. II: Грамматическое словообразование / К.Е. Майтинская. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – 227 с.
15. Милославский И.Г. О предмете сопоставительного словообразования // И.Г. Милославский. – СИССЛ. – С. 58-62.
16. Попко Л.П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической национальной ментальности / Л.П. Попко. – К.: ГАРККиИ, 2007. – 363 с.
17. Русская грамматика. – Т. I: Фонетика. Фонология. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
18. РЯСО: Словообразование современного русского литературного языка / РЯСО / Под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 300 с.
19. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 247 с.
20. Соболева П.А. Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений // П.А. Соболева. – Проблемы структурной лингвистики. 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 17-32.
21. Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улукханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

22. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 314 с.
23. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. – Томск: Изд. Томского ГУ, 1979. – 242 с.

Словари

24. Венгерско-русский словарь / Отв. ред. Л. Гальди. – М. – Будапешт: Изд. АН СССР – Изд. Академии наук Венгрии, 1974. – 1116 с.
25. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1988. – 153 с.
26. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Русский язык, 1985-1988.
27. Gáldi L. Orosz-magyar szótár. – Budapest: AK, 1974. – 872 old.
28. Magyar értelmező kéziszótár / Lekt. J. Garamvölgyi. – Budapest: AK, 1972. – 1550 old.

Виноградов Анатолий Олексійович - доктор філологічних наук Російської Федерації, професор кафедри російської мови УжНУ.